

Статья опубликована впервые к 180-летию со дня рождения Е.П.Блаватской в журнале «Дельфис» (полностью) (№ 66 /2, 2011; 67/3, 2011; 68/4,2011), а также в сокращённом варианте в газете «День Литературы» № 04 (176) от 11.04.2011 (см. ниже) и журнале «Наука и религия» («Елена Блаватская – патриот своей Родины», 2011, №6).

Русская Блаватская

Мы не верим ни в какую магию, которая превзошла бы кругозор и способности человеческого ума, ни в «чудо», божественное или дьявольское, если оно подразумевает нарушение законов природы, вечно существующих. Тем не менее, мы принимаем, ... что человеческое сердце ещё не выразило себя полностью и что мы никогда ещё не постигли и даже не понимали степени его сил.

Е.П.Блаватская*

Сфинкс девятнадцатого века

О нашей соотечественнице, Елене Петровне Блаватской, существует больше невероятных слухов и домыслов, нежели понимания её подлинных заслуг перед человечеством. Ещё менее известна Блаватская как патриот России. Именно об этой стороне деятельности Е.П.Блаватской хотелось бы рассказать.

Как личность, Блаватская была уникальным человеком, о котором можно писать энциклопедические исследования и даже романы. Масштаб её деятельности, свободомыслие, страстность в отстаивании идеалов, абсолютная свобода от стяжания и материальных интересов, самоотверженная любовь к людям без различий веры и расы – поистине выразили суть всеохватного

русского сердца.

В третьем томе *Критико-биографического словаря русских писателей и учёных*, вышедшем в 1892 году, в очерке о Блаватской говорилось: «Регистрировать всё, что писалось о Блаватской, нет и приблизительной возможности. Чрезвычайно заинтересовав свои теософией Западную Европу, Северную Америку и Индию, Блаватская вызвала огромнейшую панегирическую и полемическую литературу: многие десятки книг, сотни журнальных и тысячи газетных статей. Известность её так велика, что в солидном лондонском словаре “Men of the time”, где знаменитейшим людям нашего времени посвящено по одному столбцу, Блаватской отведено целых три. Нет также ни одного другого новейшего европейского или американского энциклопедического словаря, где бы ей не было отведено значительное место»¹. Нередко Елену Петровну за неутомимую энергию, силу мысли, грандиозность проделанного совершенно оправданно называли «Сфинксом девятнадцатого века»². Во многом, этот эпитет связан с

* Блаватская Е.П. Разоблачённая Изида. Т.1. М.–Минск: Сфера–Лотаць, 2000. С.9.

¹ Венгерова З.С. Блаватская Елена Петровна.// Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. От начала русской образованности до наших дней. Т.3. СПб., 1892. С.301, сноски. Цит.: Крэнстон С. Е.П.Блаватская: жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Пер. с англ. Рига, 1999. С.14.

² Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.15.

недоступными до сих пор знаниями, которые она явила в мир. Американский литератор П.Цвайг писал, что «всего за несколько лет Теософское общество произвело самый настоящий переворот в оккультном мышлении Европы и Америки»³.

Но в дореволюционной России о творчестве Елены Петровны знали немногие. Её труды, написанные на английском, практически не переводились. Лишь в начале 1990-х годов, с перестройкой, на русском языке стали широко доступны типографски напечатанные «Тайная Доктрина» и «Разоблачённая Изида», и лишь к 2000 году завершилось издание почти полного собрания её работ на русском языке. С учётом значительной сложности её теософии, в стране очень мало специалистов, хорошо понимающих теософскую систему мировоззрения. Языковой барьер в дореволюционное время, а впоследствии – годы советской цензуры, оказались решающим препятствием для знакомства россиян с творчеством нашей великой соотечественницы.

В.П.Желиховская, сестра Блаватской, об особенностях восприятия творчества сестры в дореволюционной России, в отличие от восприятия её на Западе, отмечала:

«Елена Петровна Блаватская... была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. В России её деятельности и учёных трудов... почти не знают. Для нас, русских людей, они представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбуждённое во всем мире русской женщиной без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли. Того нравственного значения, за которое её прославляют на Западе, провозглашая борцом за жизнь загробную, за главенство в человеческом бытии духа, за ничтожество плоти и земной жизни, данных нам лишь как средство усовершенствования бессмертной души нашей, как противницу материализма и поборницу духовных начал в человеке и природе, – в России она иметь не может. Она могла приобрести такое значение и влияние на умы человеческие лишь там, где потрясены устои христианства, либо где они совсем неведомы. Мы же, её соотечественники, не погрязшие, благодарение Богу, в нелепиче западного материализма, можем только воздать должное её уму и знаниям вообще, а затем её литературному таланту, хотя бы в той мере насколько он проявился в нашей русской прессе. Елена Петровна была дочерью известной русской писательницы, Елены Андреевны Ган, урождённой Фадеевой, когда-то названной Белинским “русской Жорж Санд”. Отец Елены Петровны, командуя батареей конной артиллерии, вёл военную, кочевую жизнь, отразившуюся на раннем воспитании девочки. Когда, по смерти матери, её родные, Фадеевы и Витте, взяли сирот к себе на воспитание, Елена Петровна никогда не могла привыкнуть к обычному распределению занятий с учителями и гувернантками, которых постоянно приводила в отчаяние непокорностью рутине и в восторг остротой ума и способностей, в особенности филологических и музыкальных. Все свойства её характера отличались решительностью и более подходили бы мужчине, чем женщине. Энергия никогда не покидала её в трудностях и опасностях необычайной жизни её. С детства у неё была страсть к путешествиям, к смелым предприятиям, к сильным ощущениям. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла самостоятельно, сама себе прокладывая пути, задаваясь независимыми целями, презирая условия света, решительно устраняя стеснительные для её свободы преграды, встречавшиеся на пути... В семнадцать лет она вышла самовольно замуж за человека, годившегося ей в отцы, и через несколько месяцев, не задумываясь, его бросила, уехала неведомо куда и почти десять лет исчезала так, что даже родные годами не знали о её местопребывании...»

Близким своим она сознавалась, что затем только и обвенчалась с Н.В.Блаватским, чтобы “быть свободной” от контроля родных.

Родовая наследственность Елены Петровны интересна в том отношении, что среди её ближайших предков были представители исторических родов Франции, Германии и России. С материнской стороны родословная Елены Петровны Блаватской восходит через

³ *Zweig P. Talking to the Dead and Other Amusements// The New York Times Book Review. 1980. 5 октября. С.11. Цит. по: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.12.*

Михаила Черниговского к основателю государственности на Руси – Рюрику⁴. Прадед Елены Блаватской, князь Павел Васильевич Долгоруков (1755–1837), генерал-майор времён Екатерины Великой, был награждён высшей военной наградой – Орденом Святого Георгия и являлся товарищем и сослуживцем М.И.Кутузова. Прабабушка Елены Петровны была урождённая Бандре-дю-Плесси – внучка эмигранта-гугенота, вынужденного покинуть Францию вследствие религиозных гонений. Прабабушка была дочерью Адольфа Францевича, который командовал армейским корпусом в Крымской кампании и, как сообщает А.М.Фадеев, был любимцем А.В.Суворова; она вышла в 1787 году замуж за князя Павла Васильевича Долгорукого, и дочь их, княжна Елена Павловна Долгорукая была родной бабушкой Елены Петровны и сама воспитывала рано осиротевших внушек. Она оставила по себе память замечательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учёности, она занималась археологией, нумизматикой, ботаникой. Гербарии Фадеевой и её рисунки различных растений, которые в настоящее время хранятся в архиве Академии наук, были известны многим учёным и вызывали их восхищение. Между прочим, Елена Павловна состояла в научной переписке с немецким учёным Александром Гумбольдтом, английским геологом, основателем Географического общества Родриком Мэрчисоном, с известными ботаниками и минералогами. Она владела пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всех отношениях выдающейся женщиной. Дочь свою Елену Андреевну, рано умершую мать Е.П.Блаватской, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру; Елена Андреевна писала повести и романы под псевдонимом Зинаиды Р. и была очень популярна в начале сороковых годов. По отцу Е.П.Блаватская происходила от владетельных Мекленбургских князей Ган фон Роттенштейн-Ган.

О влиянии родовых корней на Блаватскую её современник писал: «Мне посоветовали познакомиться с историей её рода – Долгоруких, и тогда я пойму, что это значит. Я ознакомился с этой историей, начиная с Рюрика (девятое столетие) и увидел, что этот воинственный род всегда отличался сверхъестественным мужеством, проявлением бесстрашия в самые критические моменты, страстной любовью и личной независимостью. Стремясь достигнуть желаемого, они никогда не боялись возможных последствий. В этом отношении типичным был князь Яков Долгорукий, сенатор Петра I. Однажды, будучи в сенате при полном собрании его членов, он разорвал на мелкие клочки какой-то царский указ, который ему не понравился. На последующую угрозу царя он ответил: “Вы можете подражать Александру (Македонскому), но во мне вы найдёте человека, подобного Клиту”»⁵

Сама Блаватская скептически относилась к родовитым признакам, считая дух превыше тела.

Она никогда не воспринимала своё замужество всерьёз, этот брак так и остался фиктивным. По одному из её высказываний она вышла замуж, так как её уговорила сделать это супруга графа Михаила Воронцова. В другой раз она пояснила, что этот брак, заведомо фиктивный, её привлёк возможностью приблизиться к кругу оккультистов, но как оказалось, это была иллюзия. Муж, вице-губернатор Еревана, происходил из аристократического украинского рода – гетманов Блаватко, став впоследствии Блаватским в России и графом Блаватским в Польше. Через несколько месяцев она бежит из дома и путешествует по Турции, Египту и Греции, живя на деньги, которые ей присылает отец.

В 1851 году, когда ей исполняется двадцать лет, в Лондоне она встречает в физическом теле того, кого знает по своим детским видениям – посвящённого с Востока,

⁴ Первая дама естественной истории (О Елене Павловне Фадеевой и её семье) / Валькова О.А., кандидат исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. В журнале: «Природа» №3, 2008.

⁵ Клит (по прозвищу Чёрный) – полководец и личный друг Александра Великого, спас жизнь царю в битве при Гранике. Впоследствии Александр убил его за то, что он резко выразился против его подражания восточным обычаям.

Учителя Мория, или М. – под этим именем он стал впоследствии известен теософам. Он поведал Елене о том, что ей предстоит совершить, и с этого момента она безоговорочно подчиняется его руководству – и на пути внутреннего оккультного совершенствования, и во внешней деятельности.

Знакомство с буддистами и буддизмом произошло у Блаватской достаточно рано. Она пишет, что «когда мне исполнилось одиннадцать лет, бабушка взяла меня к себе. Жила в Саратове, где дедушка был губернатором, а прежде он занимал эту должность в Астрахани, и под его началом было несколько тысяч (80 тыс. или 100 тыс.) калмыцких буддистов»⁶. В другом месте она сообщает: «В детстве я познакомилась с ламаизмом тибетских буддистов. Я провела месяцы и годы среди ламаистских калмыков Астрахани и с их первосвященником... Я была в Семипалатинске и на Урале вместе со своим дядей, владельцем обширных земель в Сибири у самой границы с Монголией, где находилась резиденция Терахан Ламы. Совершала также путешествия за границу, и к пятнадцати годам я узнала многое о ламах и тибетцах»⁷.

В 1853 году она пыталась проникнуть в Тибет, в заветную Шамбалу, через Непал, но это ей не удалось. Русскую подданную задержал английский военный патруль, когда она хотела переправиться через реку Рангит. Это произошло накануне Крымской войны, к которой тогда готовились англичане. В 1856 году она вновь пытается попасть в Тибет, теперь уже через Кашмир и Ладакх, но вновь неудачно. Наконец, в 1863 году она пересекла Центральную Азию и совершила в 1864 или 1865 году третью попытку попасть в Тибет, которая привела к желаемому результату.

Проведя несколько лет, судя по всему, в ашраме Учителя Мории, Е.П.Блаватская возвращается в Европу, кипящую революциями и перекроем карты старого мира. Она посещает множество стран и её многочисленные встречи носят не известный нам характер. В 1867 году Е.П.Блаватская несколько месяцев путешествует по Балканам. Переодетая в мужскую одежду, 3 ноября 1867 года она с товарищами приняла участие в битве при Ментане на стороне гарибальдийцев, желая вместе с Гарибальди освободить от власти пап Рим. Неизвестны подлинные мотивы Блаватской участия в битве, но хорошо известно, что именно паписты на протяжении тысячелетия плели интриги и подстрекали Западные страны на войны против России. В своих последующих книгах, говоря о мракобесии, ханжестве и обмане в религиозной среде, Блаватская главный удар сосредоточила против католической церкви. В битве при Ментане левая рука Блаватской была дважды перебита ударами сабли, кроме того, она получила два тяжёлых пулевых ранения в правое плечо и в ногу, а также удар стилетом под самое сердце, оставивший заметный рубец. Она истекала кровью, сражённая этими пятью ранами, когда её извлекли из канавы, посчитав уже умершей⁸. Блаватская рассказывала Олькотту, что была в Ментане добровольцем наряду с другими европейскими. Действительно, в рядах Гарибальди сражалось до сорока её соотечественников.

В начале 1868 года, оправившись от ранений, Е.П.Блаватская прибыла во Флоренцию. Затем отправилась через Северную Италию на Балканы, а оттуда в Константинополь и далее в Индию и Тибет. Она рассказывала, что в том году впервые встретила Махатму Кут Хуми, второго великого Учителя, друга и спутника Махатмы Мория. Можно предположить, что Кут Хуми отсутствовал, когда она впервые в 1864 году останавливалась в тибетском Ашраме своего Учителя Мории.

Блаватская о своём пребывании в Тибете писала: «В разное время я жила и в Малом, и в Большом Тибете, всего провела там более семи лет. Я никогда ни на словах, ни письменно не утверждала, что провела семь лет в каком-то монастыре. Я только говорила

⁶ Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett. Ed. by A.T.Barker. N.Y.-L., 1925, c.150.

⁷ H.P.B.'s "Scrapbooks" ("Альбомы" Е.П.Б.), XX, c.190.

⁸ Olcott H.S. Old Diary Leaves. vol. 1-2, L., 1892. Vol.1, pp.9, 263, 264.

и сейчас повторяю, что бывала в Шигадзе и на территории Таши-Лунпо, где ещё ни один европеец никогда не бывал...»⁹.

Последний период своего пребывания в Тибете Е. П. Блаватская, как отмечают биографы, провела в доме одного из своих Учителей, Махатмы Кут Хуми, который, как она писала, был родом из Пенджаба, а его семья много лет назад обосновалась в Кашмире. Именно в сотрудничестве с ним и с Махатмой Мория, значительной частью под их диктовку, была ею написана фундаментальная «Тайная Доктрина». С помощью Кут Хуми Блаватская, как считается, получила доступ в несколько ламаистских монастырей, которые ранее никогда не посещал европеец.

О жизни Блаватской в это время в Ашраме у нас имеется очень мало сведений. Одно из самых подробных находим в её письме, которое она написала А.П.Синнетту 6 января 1886 года, объясняя особенности своего английского языка:

«...Я опять была... в доме Махатмы К.Х. Я сидела в углу на циновке, а он шагал по комнате в своём костюме для верховой езды; и Учитель (М.) разговаривал с кем-то за дверью... Он улыбнулся и сказал: “Забавным английским языком вы говорите”... (Поясню – с Учителем (М.) я тоже говорила по-английски, хорошо или плохо – для Него это было одно и то же, так как он не говорит на нём, но понимает каждое слово, возникающее в моей голове; и я понимаю его, каким образом – этого я не смогла бы объяснить, хоть убей, но я понимаю...)... Я стояла перед Махатмой К.Х. у старого разрушенного здания, на которое он смотрел, и так как Учителя (М.) не было дома, я принесла к нему несколько фраз, которые я изучила на языке сензара в комнате его сестры, и просила его сказать мне, правильно ли я их перевела, и дала ему лоскут бумаги, где эти фразы были написаны на английском языке. Он взял и прочитал их, поправляя перевод, ещё раз перечитал и сказал: “Теперь ваш английский язык становится лучше – постарайтесь выбрать из моей головы хотя бы ту малость знания английского языка, которой обладаю я”. И он положил свою руку мне на лоб в области памяти и сжал на ней свои пальцы (и я даже почувствовала чуть-чуть ту же самую боль, как тогда, и холодный трепет, который я уже раньше испытывала), и начиная с этого дня, он поступал так со мною ежедневно, приблизительно в течение двух месяцев. Опять сцена меняется, и я ухожу с Учителем, который отсылает меня обратно в Европу. Я прощаюсь с его сестрой и её ребенком и всеми учениками. Я слушаю, что мне говорят Учителя. Затем раздаются прощальные слова Махатмы К.Х., как всегда, смеющегося надо мною. Он говорит: “Итак, вы немногому научились из Сокровенной Науки и практического оккультизма – кто же может ожидать этого от женщины, но, во всяком случае, вы немножко научились английскому языку. Вы теперь говорите на этом языке только немножко хуже, чем я”, – и он засмеялся. Опять сцена меняется, я нахожусь на 47-й улице Нью-Йорка, пишу “Изиду”, и Его голос диктует мне».

Позже, отвечая на вопрос, зачем она поехала в Тибет, Е.П.Блаватская отмечала: «...Приобретение высшего знания и силы требует не только многих лет напряжённейшего изучения под руководством более высокого разума, вместе с решимостью, которую не может поколебать никакая опасность, но и стольких же лет относительного уединения, в общении лишь с учениками, преследующими ту же цель, и в таком месте, где сама природа, как и неопит, сохраняет совершенный и ненарушаемый покой, если не молчание! Где воздух, на сотни миль вокруг, не отравлен миазмами, где атмосфера и человеческий магнетизм совершенно чисты и – где никогда не проливают кровь животных».

После нескольких лет обучения в Гималаях – в Америке, Индии и Европе её ждали громадные дела: основание Теософского общества с многочисленными отделениями по всему миру, создание теософских журналов и написание главных фундаментальных трудов, таких как «Разоблачённая Изида» и «Тайная Доктрина».

⁹ *Нэф Мэри*. Личные мемуары Е.П.Блаватской. М.: Сфера, 1993.

В области философии картина мироздания, представленная Блаватской, её ответы на вопросы о соотношении сознания и материи, об эволюции органической жизни, об истории народов и религий, по глубине проработки и масштабности осуществлённого синтеза поистине поражают. Сообщённые ею знания и форма их изложения сегодня, к сожалению, ещё не включены в категорию *научных*. Тем не менее, у Е.П.Блаватской было немало друзей в научном мире. В Теософском обществе состояли американский изобретатель Томас Эдисон, ведущий химик и физик XIX века Уильям Крукс, знаменитый французский астроном Камиль Фламарион, американский философ Уильям Джеймс. В литературе приводится длинный перечень идей Блаватской, которые спустя годы и десятилетия были приняты в науке как фундаментальные основы бытия¹⁰.

Социолог Теодор Роззак в главе «Тайная Доктрина госпожи Блаватской» справедливо отметил естественную реакцию общества на творчество одной из «величайших не закреплённых женщин своего времени» (речь идёт о XIX веке): «Понятно, что каждое её действие или слово встречалось в штыки, особенно когда она имела смелость бросить вызов наиболее укоренившимся интеллектуальным ортодоксиям своего времени... Но даже теперь люди, не прочитавшие ни единой её строчки, твёрдо убеждены, что она была обманщица и чудачка»¹¹.

Названная характеристика Блаватской, помешавшая занять её имени должное место в науке, стала следствием действий иезуитов и английских колониальных властей, организовавших во время отсутствия Блаватской в Индии (она находилась тогда в Европе) провокацию, направленную на подрыв её влияния в этой стране. И действительно, как показала история, опасения англичан оказались небезосновательными, ибо благодаря этой «русской шпионке», как называли Блаватскую английские чиновники в Индии, и непосредственной инициативе председателя Теософского Общества полковника Олькотта «по образу и подобию Теософского Общества» возник патриотический Индийский Национальный Конгресс (ИНК)¹², одним из сопредседателей которого стал сначала один из первых корреспондентов писем Махатм – Аллан Хьюм, а затем Анни Безант, член, а затем председатель Теософского Общества. Деятельность ИНК и его лидера Махатмы Ганди, как известно, привела в конечном счёте к освобождению Индии от господства Британии.

По инициативе шотландского иезуита Паттерсона в Индии с момента отъезда Блаватской в Европу разыгрался целый заговор. Судя по отчётам об этом деле, неоднократно бывшим в печати, Паттерсон не скрывал, что, «ради христианских целей», не задумываясь подкупал слуг Е.П.Блаватской «для доставления нужных ему сведений». Подкупленная им бывшая экономка Блаватской и муж её столяр, которым ею были поручены её вещи в Адьяре и некоторые переделки в её комнатах, смастерили невообразимую канитель подложных писем и столярных сооружений, которые послужили основой вековой клеветы.

Ближайшей причиной клеветы стала разрушительная критика русской Блаватской католицизма. В ответ в печать был выплеснут целый поток злостной клеветы миссионерского печатного органа «Христианская Коллегия» в Мадрасе. Немалую роль сыграл и отчёт лондонского Общества для психических исследований (ОПИ), представленный неким Ходжсоном. Последний оказался молодым карьеристом и вынес заказанный ему в Лондоне вердикт: «г-жа Блаватская заслуживает того, чтобы навсегда

¹⁰ См. главу *Наука и «Тайная Доктрина»* в кн.: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.514-550.

¹¹ *Roszak. Th. The Unfinished Animal: The Aquarian Frontier and the Evolution of Consciousness.* NY: Harper&Row, 1975. P.117-125. Цит. по: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.12.

¹² см.: Блаватская Е.П. Что есть Истина? // Блаватская Е.П. Новый цикл. М., 2001, с.291-292.

войти в историю в качестве одной из самых искусных, изобретательных и интересных мошенниц»¹³.

Этот вердикт и развернувшаяся в прессе компания совершенно подорвали здоровье Блаватской. Она писала родным: «Я понимаю, что Психическому обществу на руку такая передряга. Оно бьёт на то, чтобы не расходиться с европейской наукой. Ну как оно могло честно и безбоязненно заявить, что все наши феномены – результаты не обманов, а сил, европейским учёным совершенно неизвестных и непонятных. Это было бы для них опасно: вооружило бы против психистов главные общественные силы Англии, научные корпорации и духовенство. Лучше уж постараться затоптать нас, теософов, которые ничего не боятся и идут вразрез с рутинной своей прямой дорогой!.. Ну, вот я и обманщица, и шпионка! Я у них как бельмо на глазу, потому что не своя, а русская; вот и произвели в оплачиваемого агитатора [России]. Господи! Узнаю свою вечную долю: пользоваться дурной славой, не имея от этого никакой выгоды. Уж хоть бы, в самом деле, родной России какую пользу принесла, а то всего только и было, что отрицательная польза: почти все редакторы лучших газет в Индии – мои друзья-приятели – прекрасно знали, что каждое их слово против России режет меня по сердцу, ну и воздерживались! Вот и вся моя услуга родине, навсегда потерянной...».

Целый век клеветнический вердикт ОПИ кочевал по книгам, энциклопедиям и средствам массовой информации – повсюду, где только заходила речь о её жизни и деятельности. Лишь через сто лет после опубликования отчёта Ходжсона справедливость восторжествовала: само ОПИ выпустило пресс-коммюнике, предназначенное для газет и ведущих журналов Великобритании, Канады и Соединённых Штатов Америки, содержащее иное мнение о Блаватской: «**Согласно новейшим исследованиям, госпожа Блаватская, соосновательница Теософского общества, была осуждена несправедливо**»¹⁴. Сторонник этого мнения – доктор Вернон Харрисон, эксперт ОПИ по подлогам и фальшивкам, заново проверив все обстоятельства этого дела, и цитируя в этом коммюнике возражения Блаватской, что несправедливые обвинения «будут в своё время разоблачены другими авторами», пишет: «Я прошу у неё прощения за то, что нам потребовалось сто лет для подтверждения правоты этих слов». Харрисон утверждает, что «отчёт (Ходжсона) пестрит тенденциозными утверждениями, предположениями, преподносимыми как факт или возможный факт, неподтверждёнными показаниями безымянных свидетелей, предвзятым отбором свидетельств и откровенной ложью»¹⁵.

Патриот России

Можно со всею определённою сказать, что благодаря исключительной мощи и неудержимости русского характера теософия Блаватской состоялась как общемировое явление, как явление Нового мира. Россия, среди прочих стран мира, родилась как непохожее ни на что дитя – дитя будущего. Новый мир, будет ли это новая философия Блаватской, русская революция или Учение Живой Этики, вошёл в Старый свет и изменил мир русскою волной.

Проведя основную часть жизни за рубежом, среди иностранцев, Блаватская оставалась неизменно русской. Свою русскость она никогда не пыталась завуалировать, какими бы сложными с политической точки зрения ни складывались обстоятельства,

¹³ Psychological Research, Appointed to Investigate the Evidence for Marvellous Phenomena Offered by Certain Members of the Theosophical Society (Private and Confidential). [L, 1884]. С.207. Цит. по: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.7.

¹⁴ Harrison. J' Accuse. 1986. P.309; перепеч.: Он же. Н.Р.Блаватский... P.33. Цит. по: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.7.

¹⁵ Harrison. J' Accuse. 1986. P.309; перепеч.: Он же. Н.Р.Блаватский... P.32. Цит. по: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Рига, 1999. С.8.

более того, неизменно гордилась принадлежностью к России. Учреждая Теософское общество в Лондоне, ведущую роль в котором играла английская аристократия, а та отличалась известным неприятием к России, Блаватская тем не менее постоянно подчёркивала: «Да, я русская». Она развернула широкую деятельность в английской колонии – Индии, в которой безраздельно господствовали тогда англичане. И это при остром геополитическом соперничестве Британии и России в Азии и на Востоке. Тем не менее, Блаватская и здесь вызывающе заявляла: «Да, я русская». Своему английскому другу, Синнетту, она, например, когда ей было уже 55 лет, молодецки писала:

«Принесите ему мои искренние извинения и сошлитесь на моё незнание ваших дурацких английских условностей. Скажите ему, что я совершенно лишена изысканности манер английского общества и рада быть неприкрашенным русским дикарём во всех отношениях... Как русская, которая называет свинью свиньёй, а не как англичанин, который будет говорить, сияя растянутой на три ярда улыбкой: “О, здравствуйте! Так рад видеть Вас!” – думая всё это время: “Чёрт бы тебя побрал!”».

В другом письме она с нарочито мужицкой грубостью продолжала об извечном споре Запада и России за Балканы:

«Мой дорогой м-р Синнетт, говорю с Вами серьёзно, так как Вы не принадлежите к числу тех психопатов, которые вечно принимают меня за русскую шпионку. Вы так же слепы в своей преданности и восхищении вашей [английской] консервативной политикой, как муж к любимой жене, которая вызывает в нём любовь. Вы не видите её недостатков, а Учителя видят... И если вы продолжите в том же духе, что и он (я имею в виду вашего старого идиота Солсбери), и заткнёте Болгарию перед носом у России, то, уверяю Вас, она (Россия) подложит вам свинью в Индии и через Афганистан. Я знаю от Учителей то, что неизвестно Вам...»

Ах милый господин моего сердца! Если бы не [Теософское] Общество и Учителя, которым я каждодневно приношу в жертву свою кровь и честь, если бы те немногие, похожие на Вас англичане, которых я научилась любить как свою собственную плоть и кровь (метафорически, ибо свою плоть и кровь я ненавижу), – если бы не всё это, с какой бы колоссальной силой ненавидела я вас, англичан! В самом деле, поведение и политика вашего нынешнего кабинета министров бесчестны, презренны, достойны Иуды и в то же самое время восхитительно глупы! Один Черчилль ведёт себя как разумный человек и удивляет меня. Я вижу, что он вовсе не глуп и у него неплохое чутьё. То, что он бросил вашего Солсбери на произвол судьбы, возможно, спасло Англию от внезапного налёта России на вас да ещё и с союзниками, дорогой мой, – такими союзниками, о которых ваши дипломаты никогда и не помышляли, – и даже не с вашей поганой Турцией. Будьте осторожны, если Вы в состоянии быть осторожным, когда пишете, то делайте это ради своей собственной страны, если не можете поступать так ради Т[еософского] О[бщества]».

Когда Россия вступила в войну с Турцией, то какие разгромные статьи писала Блаватская в американские газеты в конце 1876 и в течение всего 1877 года. Она делает великолепный перевод на английский язык тургеневского стихотворения «Виндзорский крокет», и его публикуют сразу в нескольких газетах. Ей не дают покоя нью-йоркские поляки своими антирусскими выходками.

Появление же в печати пресловутой антирусской папской речи, в которой говорится о том, что «чем скорее будет подавлена схизма, тем лучше», и что «рука Божия может руководить и мечом башибузука», – повергло её в жар и недомогание. Оправившись, она разразилась рядом таких язвительных статей, обличающих папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский нунций счёл благоразумным вступить с ней в переговоры и прислал парламентёра. Но тот, разумеется, не был принят, а следующая статья Елены Петровны ещё расцвела описанием этого визита «доморощенного» иезуита.

Даже на страницах своих монументальных трудов Блаватская продолжает защищать Россию. В «Разоблаченной Изиде» она пишет:

«Верная своей политике быть чем угодно и для кого угодно, лишь бы в пользу своих интересов, Римская церковь, пока мы пишем эти строчки (1876 г.), благожелательно взирает на зверства в Болгарии и Сербии и, вероятно, маневрирует с Турцией против России. [Римской церкви] лучше ислам и ненавистный до сих пор полумесяц над гробницей христианского бога, чем Греческая церковь, признанная в Константинополе и Иерусалиме государственною религией. Подобно дряхлому и беззубому бывшему тирану в изгнании, Ватикан рад ухватиться за любой союз, который обещает если и не восстановления его власти, то хоть ослабления своего противника (России). Топором, которым когда-то размахивали его (Ватикана) инквизиторы, он теперь потихоньку играет, ощущывая его лезвие, ожидая и надеясь, хотя и надеяться не на что...».

Она пребывала в постоянном беспокойстве за исход войны, за своих близких: за дядю своего Ростислава Андреевича Фадеева, двоюродного брата Александра Юльевича Витте и племянника Ростислава Николаевича Яхонтова. Несказанно радовали Елену Петровну победы русского оружия, за которыми она пристально следила.

8 июля 1878 года Блаватская стала первой русской женщиной, принявшей американское гражданство. Это волей-неволей случилось вскоре после заключения мира с Турцией. Американское гражданство открывало ей свободное проникновение во многие страны, закрытые теперь для русской, упрощало посещение колониальной Индии. Один американец, умирая, завещал ей своё имение. Для получения его нужно было выполнить эту простую формальность, но она сильно переживала за те дежурные слова, которые пришлось повторить за судьёй:

«Только что вернулась из верховного суда, где принимала присягу в верности Американской республике, – писала она. – Теперь я равноправная с самим президентом Соединённых Штатов гражданка... Это всё прекрасно: такова моя оригинальная судьба. Но до чего же противно было повторять за судьёй тираду, которой я никак не ожидала, – что-де, я, отрекаясь от подданства и повиновения императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединённых Штатов Америки... Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Нечего сказать!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить».

И точно, – какой она была всю жизнь горячей патриоткой, такой и осталась. Она ещё долго продолжала, как и во всё время войны, присылать деньги на русских раненых, и даже первые выручки, полученные за «Изиду», пошли на ту же цель. Всё, что получала она в то время за статьи в русских газетах, всё шло целиком на Красный Крест и на бараки кавказских раненых.

По приезду в феврале 1879 года в Индию, в Бомбей, закипела неустанная деятельность. Елена Петровна по одиннадцати часов в сутки, не разгибаясь, работала. Она писала в местные газеты, посылала корреспонденции во все страны света и готовила материалы для задуманного ею журнала «Теософист».

Британские власти заподозрили было сотрудников её журнала в зловердных намерениях: в шпионаже, в пропаганде русского влияния. За ними установили полицейский надзор; их письма вскрывались, на них косо смотрели. Блаватская выходила из себя! Писала негодующие письма друзьям своим в Лондон. Многие влиятельные лица обрушились в их защиту газетными статьями и письмами на местные бомбейские власти. Решающую роль во всём этом деле сыграло письмо от лорда Линдсея, члена Королевской академии наук, президента лондонского Астрономического общества. «Ваша полиция осрамилась! – писал он. – Я сам член их Общества, так вы, пожалуй, и меня за агитатора сочтёте, если я приеду в Бомбей?..»

Заступничество подействовало. Полицейский надзор был снят, но остался этот жупел «русской шпионки», который по сей день враги Теософского общества и Е.П.Блаватской то и дело вытаскивают на свет. Позицию англичан можно было понять. Это было время военных действий русских войск в Афганистане и во всём Закаспийском крае. Враждебные чувства англичан против России тогда сильно обострились.

Несмотря на предубеждение англо-индийских властей против основательницы Теософского общества, зиждущегося на её русском происхождении, к тому же не скрывающей своего патриотизма, она всё же сумела завоевать надлежащее ей положение и приобрела многих друзей в среде литераторов и других лидеров, формирующих общественное мнение.

Когда ранней весной 1881 года случилось убийство Александра II, Блаватская сильно заболела, поражённая и до глубины души потрясённая ужасным происшествием. Она писала:

«Господи! Что ж это за ужас? Светопреставление, что ли у вас?.. Или Сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Горько! Жаль царя-мученика, семью царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклиная этих подлых извергов – социалистов!» «Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной мученической смерти царя-самодержца такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать».

Её журнал «Теософист» вышел в траурной обложке. Это было внимание Олькотта к её чувствам. Сама она лежала больная. Придя в себя, она написала в синнеттовский журнал «Пионер» превосходную статью обо всём, что свершил царь Александр II, и очень была довольна тем, что большинство газет её перепечатали.

Она писала своей сестре: «Я отдала туда всё, что могла вспомнить, и представь себе, они не выбросили ни одного слова и некоторые другие газеты перепечатали это. Но всё равно, первое время, когда я пребывала в скорби, многие спрашивали меня: “Что это значит? Разве вы не американка?” Я так разозлилась, что послала что-то вроде отповеди в “Бомбей газетт”:

“Не как русская подданная надела я траур, – написала я им, – а как русская родом! Как единица многомиллионного народа, благодетельствованная тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур. Этим я хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти Царя моих отца и матери, сестёр и братьев моих в России!”

Эта моя отповедь заставила их замолчать... Теперь они знают причину и могут отправляться к дьяволу».

Ей прислали портрет царя в гробу. «Как посмотрела я на него, – пишет она тётке своей Н.А.Фадеевой, – «верь не верь, должно быть помутилась рассудком. Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и подтолкнуло руку мою и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже остолбенела... Это я-то, – старину вспомнила, – рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала».

С глубокой болью в сердце отозвалась Блаватская на смерть русского публициста и патриота М.Н.Каткова. 5 августа 1887 года она писала Н.А.Фадеевой: «В большом, я милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну, “что мне Гекуба и что я Гекубе”?.. Ну, поди же! Словно с ним хороню всю Россию...

Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мною матушки-России сбила меня с колеи. Обидно!.. Страшно обидно, что вот только проявится из ряду вон русский человек – Скобелев ли, Аксаков, кто другой – так и прихлопывает

смерть в самую нужную минуту. Ведь не подыхает же Бисмарк, Баттенберг, болгарские регенты или Солсбери и прочие, нет? А всё наши.

Чем был для России Катков теперь только можно видеть и сообразить: вой радостный раздаётся из всех [западных] журнальных редакций. Только две – “Pall-Mall” и “St. James Gazette” благородно отозвались...

Писала сейчас письмо в редакцию его, надо было! Семь лет ведь работала для [катковских] “Московских ведомостей” и для “Русского вестника”... Хоть, вероятно, и не поверят искренности моей печали, а я писала, что чувствую... Для меня, потерявшей всякую надежду увидеть родную Русь, вся моя любовь к ней, всё горячее желание видеть её торжествующей над врагами, сосредоточивалось и как бы отсвечивалось в передовых статьях Каткова. Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков, и все, все ушли. Кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как они разгадывали и указывали России на козни против неё?.. Пропала Россия!.. Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, “закрылось навеки бдительное око патриота”, как дракон оберегавшего интересы нации, и лишь теперь поймут, чем Катков был для Царя и отечества. Стало быть был он опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и пресса дрожали при его имени, – как теперь дрожат от радости, что избавились. Лафа-де нам теперь будет дурачить Россию...

Счастливые христиане православные, могущие искренно пожелать покойному: “царствие, тебе, небесное, великий патриот!” Я же могу только из глубины души пожелать ему “вечную память” в сердцах всех любящих родину русских...

Ставит эта родина, Россия-матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятники тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее, чем Минин и Пожарский сделали мечами. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лиги республиканской Франции, доказала бы Россия, что не зарастёт в сердцах верных сынов её тропа к его могиле. Пусть запомнят наши дипломаты его указания, да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы, благодаря свинопасам – регентам, да Миланам, австрийским холопам. А зарастёт тропа в их памяти, то да будет им стыдно!..

Вот, что я им написала... Может душой назовут?.. Ну, пушай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась...

Пока жива – ваша всегда... А коли позволят там – так и после Нирваны всё ж ваша. Е. Б.»

Русская пресса того времени мало сообщала о Блаватской, о её книгах и статьях, выходивших на английском языке. Патриотическое и, собственно, правое консервативное издание Каткова, не побоявшегося выступить оппонентом даже самого царя, оказалось редким исключением. Вероятно, слишком вольнолюбивыми и религиозно опасными выглядели для цензоров речи соотечественницы, да ещё и женщины. Не публиковались даже материалы Блаватской в защиту России. Так в 1879 году она с горечью сообщает: «Я написала статью в “Новое Время” под названием “Правда о племяннике Нана Сахиба”. Я собрала самую подробную информацию об этом негодяе. [Газета] “Голос” постоянно передаёт письма, написанные этим лгуном, как будто специально для того, чтобы спровоцировать Англию на войну с Россией. И [российское] “Новое Время” пренебрегло моей заметкой. По какой причине? Она правдива и написана независимым корреспондентом. Кто бы мог подумать, что они не поверят в добрые намерения их соотечественницы, русской, стоящей у самого истока информации об этой фальшивке... И всё-таки наши газеты не захотели напечатать мои статьи!»

Современница Блаватской – Е.Писарева также отмечала факт блокады информации о ней на её родине: «Из всех её литературных трудов, открывших Западной Европе оккультные учения древнего Востока, только одна книга “Голос Безмолвия” была до последнего года переведена на русский язык; а её литературное имя Радда Бай известно

только по индийским очеркам, опубликованным в “Русском Вестнике” в начале 80-х годов под названием “Из Пещер и Дебрей Индостана”».

Другой биограф, миссис Джонстон, сообщает: «Несмотря на отсутствие учтивости со стороны русских газет по отношению к Е.П.Б., она всегда подписывалась на многие русские журналы и газеты; и не имея возможности прочесть их за день, она отрывала время от пяти-шестичасового ночного отдыха, желая знать, что происходило в её родной стране».

Блаватская хорошо ориентировалась в международном положении России. Сколько могла, она со страниц теософских журналов, имеющих влияние на западную интеллигенцию, защищала Россию от клеветы и наветов. Хорошо видно, что живя многие годы за границей, постоянно переписываясь с родными, читая русскую прессу и внимательно следя за мировой политикой по иностранной прессе, душой и сердцем она неизменно оставалась на родине. Русский дух, русская правда, русская справедливость, по большому слову – Православие, – столь ярко отображённые великой русской культурой, воплощали и воплощают идею мирового Универсума. На алтарь служению этому Идеалу отдала свою жизнь наша соотечественница Елена Петровна Блаватская. И кто может сказать, где бóльшая служба вершится для России: в её пределах и в битвах с внутренними врагами, или же за её пределами, с врагами внешними?

Было бы неправильно утверждать, что при значительной и определяющей роли Учителей (Махатм) в деятельности и творчестве Е.П.Блаватской, её непримиримое отношение к врагам России оставалось исключительно её личным делом, что её резкие и часто явно не способствующие выполнению её миссии на Западе выступления в пользу России, её нескрываемый русский патриотизм, диссонирующий с господствующим представлением на Западе о России, не имели никакого отклика и поддержки у Махатм. Но участие или роль Махатм в большой мировой политике и в судьбе России – тема, раскрытие которой ещё ждёт своего часа.

В целом сокрытие в то время от Запада мирового, провиденциального значения России понятно – растерзали бы. Запад во все времена воспринимал Россию как некое недоразумение на политической карте, как страну и народ низшего сорта. Когда Блаватская совершала сокрушительный поход на реакционные институты западной религии, западной политики и западной материалистической науки, объявление на этом фоне из уст русской о провиденциальной роли России подорвало бы всяческий авторитет главного теософа. Запад никогда не встанет под знамёна тех, кто будет предвещать его закат. Особенно на фоне возвышения России.

Эмоциональная и литературно неудержимая Блаватская не была искушённым политиком-прагматиком, ювелирно взвешивающим каждое сказанное слово, прогнозирующим, как отдельно взятая частная ситуация и сопроводительный комментарий могут породить далеко идущие последствия. Данное свойство открытости и чистосердечной прямолинейности, способствующее интересу к книгам Блаватской, привлекающее к ней друзей и сотрудников, в свою очередь дало обильную пищу для её врагов и недругов. Используя выдранные из контекста цитаты, перефразируя, переиначивая и «дополняя» её высказывания, враги Блаватской превращали её в некоего монстра. Разумеется, апологеты церкви не преминули нацепить Блаватской традиционное обвинение в сатанизме, тогда как сама Блаватская жизнь положила на борьбу с этим врагом человечества.

В этой связи интересна публикация перевода Блаватской с русского языка на английский фрагмента из «Братьев Карамазовых» Достоевского, известного ныне как *Поэма о Великом Инквизиторе*. Данная публикация на английском языке, (возможно и сам перевод), были сделаны Блаватской по прямому указанию Махатмы Кут Хуми. В письме, полученном А.П.Синнеттом в августе-сентябре 1881 года, Махатма Кут Хуми писал: «Предложение перевести “Великого Инквизитора” является моим, ибо его автор (Достоевский), на котором уже лежала рука смерти, когда он писал это, дал наиболее

убедительное и правдивое описание Общества Иисуса (иезуиты), чем все те, которые появились до него. В нём содержится очень сильный урок для многих людей, и даже вы можете извлечь пользу из него»¹⁶.

По свидетельству современников Достоевский говорил, что «тему этой легенды... выносил в своей душе почти в течение всей жизни», и тема эта необычайно значима для него; что «“Великий инквизитор” – кульминационный пункт всего его творчества», что поэма для него более важна, чем сам роман «Братья Карамазовы».

Напомним, что первым Великим Инквизитором испанских областей был Торквемада. Будучи наделённым властью Римским папой (1481 г.), он совершил наиболее массовые уничтожения так называемых «еретиков». Достоевский, ряд идей которого отмечены пророческой печатью, в образе Великого Инквизитора усмотрел другого. В пятой главе пятой книги романа, так сказать, на перевёрнутой пентаграмме Люцифера, Достоевский художественно изобразил закономерную вершину католицизма, обладателем которой стал ни много ни мало главный враг Христа – Сатана. Интересно отметить, что в Православии часто вспоминали, что олицетворение Римской церкви – апостол Пётр, согласно Евангелию, трижды отрёкся от Христа (Ин. 13:38), что только в адрес одного человека – Петра, Иисус воскликнул «отойди от меня, Сатана!» (Мф. 16:23), равно как и Евсевий, будто бы со слов Оригена, утверждал, что Пётр ушёл из жизни способом, обратным от Христа: «был распят головой вниз» (ЦИ.3:1). На языке мистиков это означает перевёрнутую пентаграмму Люцифера. Именно так, перевернув наоборот, от слова «Христос» в богословии образовано название «Антихрист».

Своей публикации на английском языке из Достоевского Блаватская предпослала следующее примечание: «Это – фрагмент из прославленного романа Достоевского "Братья Карамазовы", последней книги, вышедшей из-под пера этого великого русского романиста, который скончался несколько месяцев назад, сразу же после того, как были опубликованы последние её главы... Переведённый отрывок представляет собой прекрасную сатиру на современную теологию в целом и римско-католическую религию – в частности. Его идея состоит в том, что Христос вновь посетил землю, появившись в Испании во времена инквизиции, и его сразу же арестовывает как еретика Великий Инквизитор...».

«Зачем же Ты пришёл нам мешать? – спрашивает заточённого в тюрьму Христа Великий Инквизитор. – Ибо Ты пришёл нам мешать и сам это знаешь... Ты ли это или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь»... «Не Ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас свободными”. Но вот Ты теперь увидел этих “свободных” людей... Да это дело нам дорого стоило,...но мы dokonчили наконец это дело во имя Твоё. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено и кончено крепко... Теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили её к ногам нашим».

В своих работах, прежде всего в «Разоблачённой Изиде», Блаватская доказывала, что христианство от начала пошло двумя непримиримыми линиями, восточной и западной. Разделение это пошло от противостояния, с одной стороны, апостола Павла, ратующего за идею Христа о вселенском братстве и царстве духа, и, с другой стороны, апостолов Петра, Иакова и Иоанна, радевших по-прежнему за строгое соблюдение национальных ограничительных требований чистоты крови и прочего, а также противящихся распространению заповедей Христа за пределами избранного народа. Наследниками Павла и его понимания христианства, ярко выразившегося в большей части посланий Павла, стала Восточная Церковь, собственно первая и единственная Церковь.

¹⁶ Письмо № 19 в кн.: Письма Махатм. Самара, 1993. С. 119.

Наследниками Петра и доминанты Ветхого Завета, стала церковь Рима, объявившая себя впоследствии главным наместником Бога на земле. Она же постаралась отобразить в хранящихся у неё версиях Писания и письмах апостолов о своём якобы бесспорном первоапостольстве. Восточная церковь, Русская Православная церковь, всегда выражала сомнения в первоапостольстве наследников Петра, а уж тем более категорически не соглашались с её притязаниями на роль главного наместника Бога на земле, отрицая в принципе возможность такового. Главным стремлением Западной, то есть Римской церкви, стала жажда неограниченной мирской власти, вплоть до попыток подмены власти королей и императоров, тайным или явным манипулированием ими.

Монашеский орден иезуитов (с XVI века по сегодняшний день), кощунственно назвавшийся «Обществом Иисуса», стал инструментом завладения Римской церковью этой земной властью. Несмотря на оформление разделения Восточной и Римской церкви только в 1054 году, духовно эта разделённость христианства существовала с самого начала и до формального разделения это был не более чем политико-религиозный союз двух вполне самостоятельных конгрегаций христиан. Мирского могущества на земле, как известно, в отличие от стремления к божественному, всегда искал враг рода человеческого. Такова вкратце идея Блаватской, изложенная во втором томе «Разоблачённой Изиды». Подобная идея о сути разделения Восточной (Православной) и Западной (Римской) церквей пронизывает труды многих православных отцов и старцев. Собственно, «Великий Инквизитор» Достоевского о том же.

Со времён протестантской Реформации, иезуитов называли «пехотинцами Римского папы». Власть или влияние Римской церкви со Средних веков и до сих пор распространяется на громадное число стран. В ряде справочников католицизм показан самой многочисленной мировой религией. В том, что касается России, то папы благословляли и направляли сюда крестовые походы, а их тайные агенты-иезуиты плели интриги в сопредельных с Россией странах, натравливая их на Россию (Польша, Прибалтика) или стремясь рассорить с Россией (Украина и др.), повсеместно подрывали православие и русское влияние.

Неудивительно, что с опубликованием главных трудов Блаватской, вскрывающих лицемерие, обман и двуличие Римской церкви, иезуиты предприняли всё возможное, чтобы дискредитировать автора, работы которого стали столь популярными. Эти попытки опорочить Блаватскую и её идеи не оставляются на Западе до сих пор, но уже новыми действующими лицами.

Блаватская и Православие

Второй том «Разоблачённой Изиды», написанной Блаватской, начинался словами:

“Если бы было возможно, мы не давали бы этот труд в руки многих христиан, которым чтение его не принесёт пользы и не для которых он был написан. Мы имеем в виду тех, кто искренне и чистосердечно верят в свои церкви, и тех, чья безгрешная жизнь отражает блестящий пример Пророка из Назарета, чьими устами дух истины громко говорил человечеству... Являясь анализом религиозных верований вообще, этот том в особенности направлен против богословского христианства, главного противника свободной мысли. Он не содержит ни одного слова против чистых учений Иисуса, но нещадно разоблачает их вырождение в пагубно вредные церковные системы, которые разрушают веру человека в своё бессмертие, в своего Бога и подрывают всякую нравственную свободу”¹⁷.

¹⁷ Блаватская Е.П. Разоблачённая Изида. Т.2. С.5.

В преддверии будущих бурь было бы непростительной ошибкой лишить людей веры в их идеал, не построив на месте тысячелетних упований достойную замену. Особая роль в грядущем мировом переустройстве отводилась России и её, как говорил Достоевский, *народу-богоносцу*. Именно поэтому, зная трепетное отношение на Руси к вере отцов и к образу Христа, Блаватская воздерживалась от высказываний о Православии и о Русской церкви, а её религиозно-учебные работы были написаны исключительно на английском языке, что до 1990 г., как при царской, а затем при коммунистической цензуре фактически стало препятствием преждевременного проникновения в Россию её произведений, разрушительных для неподготовленного вероисповедания. Резкость и прямота её обвинений по адресу Западной церкви, так непохожая на искусительную тонкость иезуитских речей, скорее отталкивали нетвёрдые души. Это явно не способствовало её успеху на Родине, но зато позволяло по-детски наивным православным душам оставаться при их образе Бога, как здесь его привыкли видеть, нежели без обретения истинной веры оказаться опустошёнными и озлобленными.

«Двадцатый век, – писала Блаватская за 12 лет до окончания XIX столетия, – припас для человечества очень странные события, и он может даже оказаться последним»¹⁸. В связи с разразившейся впоследствии мировой революцией, но в ещё большей степени – Второй мировой войной, в конце которой у Германии едва не появилось ядерное оружие, пророческое заявление Блаватской о возможной катастрофе вряд ли покажется преувеличением.

В отношении церковной религии, которой предстояло в XX веке столкнуться с грядущими социальной и научной революциями, Блаватская провидчески писала не менее точно, нежели о научных и социальных потрясениях: «*Буквальная вера в Библию и вера в воплощённого Христа (в человека-Бога) не продлится ещё и четверти века. Церкви должны будут расстаться со своими излюбленными догмами, или двадцатый век станет свидетелем падения и разрушения христианства, и вместе с ним даже самой веры в Христа, как в чистого Духа*»¹⁹.

Хорошо известно, что в России, да, впрочем, и во многих других странах, это пророчество исполнилось с абсолютной точностью. «...Теологическое христианство должно отмереть, и *никогда более не воскреснет* в своём прежнем виде, – писала Блаватская далее. – Это было бы само по себе наиболее счастливым решением всех проблем, если бы не опасность естественной реакции, которая безусловно последует: результатом и следствием столетий слепой веры будет грубый материализм, до тех пор, пока утрата старых идеалов не будет восполнена новыми идеалами, – неопровержимыми, потому что *универсальными* и воздвигнутыми на скале вечных истин, а не на зыбучих песках человеческих фантазий. Чистая нематериальность должна в конце концов заместить ужасный антропоморфизм такого рода идеалов в концепциях наших современных догматиков».²⁰ И это предвидение, как мы знаем, исполнилось и продолжает исполняться.

Она предвидела серьёзнейшую опасность грядущего XX века: грубый материализм и полное забвение духовных ценностей могли привести к подлинной планетарной катастрофе. И здесь она оказалась полностью права, потому что фашизм, появившийся на завершении Кали-Юги, продемонстрировал самое жуткое и зловещее лицо бездуховной цивилизации, обрисовал то чудовищное будущее, которое может ожидать планету. В 1889 году, за два года до своей смерти, Блаватская провидчески написала о двух альтернативах, ожидающих XX век, у истоков выбора которых стояли и священнослужители:

«Однако время мёртвой буквы (Писания) и теократии (господства священников) уже прошло; и мир должен двигаться дальше под страхом стагнации и гибели. Ментальная эволюция движется вровень с эволюцией физической, поскольку их общей целью яв-

¹⁸ Блаватская Е.П. Эзотерический характер евангелий. // Скрижали кармы. Сборник. М., 1995. С.52.

¹⁹ Блаватская Е.П. Эзотерический характер евангелий.// Сб.: Скрижали кармы. М., 1995. С.52, 54.

²⁰ Блаватская Е.П. Эзотерический характер евангелий.// Сб.: Скрижали кармы. М., 1995. С.54-55.

ляется *Единая Истина*²¹. Эту *Единую Истину* можно назвать сердцем человечества, тогда как эволюция – это его кровь. Остановите на миг кровообращение, и сердце перестанет биться. То же самое можно сказать и об организме человечества! Именно слуги Христовы стремятся убить или хотя бы парализовать Истину, лягая её копытом “*мёртвой (или мертвающей) буквы*”! То, что Коулридж говорил о политическом деспотизме, вполне справедливо и в отношении деспотизма религиозного. И ритуалистическая церковь, чей здравый смысл парализован ныне в тисках предрассудков, – если только она не уберёт свою тяжёлую руку, гнетущую ныне миллионы верующих волей-неволей, – обречена *уступить своё место религии* и – умереть. Очень скоро ей придётся сделать выбор. Ибо, когда люди узнают об истине, которую она так заботливо скрывает от них, для неё останутся только два возможных варианта развития событий: церковь исчезнет *по воле* людей или, если массы всё же предпочтут остаться невежественными рабами мёртвой буквы, она исчезнет *вместе с* людьми. Хватит ли служителям вечной Истины, превратившим оную в белку, обречённую скакать на одном месте в еkkлезиастическом колесе, [хватит ли] *человеколюбия*, чтобы избрать первую из двух альтернативных необходимостей? Кто знает?»²²

Говоря о трёх церквях: Православной, римско-католической и протестантской, Блаватская в «Разоблачённой Изиде» показывает совершенно особое место Православной церкви: «...Прошёл очень короткий период с тех пор, как две первые из трёх названных христианских организаций жгли, вешали или умерщвляли иным способом... Во главе этих церквей особо стоит Римская церковь. Её руки алы от безвинной крови бесчисленных жертв, которую она проливали во имя молохоподобного божества, возглавляющего её веру. Она готова с жаром снова взяться за это. Но она связана по рукам и ногам духом прогресса и религиозной свободы девятнадцатого века, который она ругает и поносит каждый день. Греко-русская церковь, наиболее добродушная и хриstopодобная в своей примитивной и простой, хотя и в слепой вере. Несмотря на тот факт, что никакого практического объединения между Православной и Латинской церквями не было и они разделились много веков тому назад – римские папы, кажется, совершенно игнорируют этот факт. Они самым наглым образом высокомерно претендуют на юрисдикцию не только над верующими общинами Православных стран, но и над всеми протестантами... Их (пап) упорство можно сравнить только с их наглостью. И кульминация абсурдности была достигнута в 1864 году, когда папа римский Пий IX отлучил от церкви и предал публичной анафеме российского императора (Александра II) как “*схизматика, выброшенного из лона святой Матери – церкви*”²³. Ни он, ни его предки, ни Россия с тех пор, как она стала христианской тысячу лет тому назад, не соглашались присоединиться к католической церкви. Почему же тогда не претендовать на церковную юрисдикцию над буддистами Тибета или над тенями древних гиксосов?»²⁴

К сожалению, в России, на родине Блаватской, распространялась и распространяется клевета о её антиправославии. Но ещё раз скажем, во всех её работах, большинство из которых написано на английском языке, в критике «церкви» подразумевалась именно Западная церковь, господство и иезуитство папистов. Блаватская никогда не критиковала искреннюю веру в Христа, а **по духу и сути её личная вера была глубоко русской и православной**, ибо что такое православие, как не духовная связь с Истоком.

Неверные сведения, печатавшиеся о ней тогда в России, сильно огорчали Блаватскую. Эти известия бывали до того нелепыми, что она неоднократно даже

²¹ Единая Истина – Абсолют, или в теологии – Бог, – *А.В.*

²² Блаватская Е.П. Путеводный свет неведомого.// Сб.: Блаватская Е.П. Новый цикл. М., «Сфера», 2001. С.212.

²³ См.: Gazette du Midi и Le Monde, May, 3, 1864.

²⁴ Блаватская Е.П. Разоблачённая Изиды, т.1, с.72-73.

обвинялась в убийствах и т. п. уголовных преступлениях. Отвечать на такие басни она никогда не хотела. Но её сторонники не раз пытались возражать на эту «отечественную клевету». Однако безуспешно: их протесты в России к сведению не принимались. Раз даже сама Елена Петровна написала возражение, но и его отвергла наклепавшая на неё газета... Она была очень омрачена и по этому поводу писала:

«Ну что это они всё врут?.. Откуда они взяли, что я собираюсь упразднить христианство и проповедовать буддизм? Если б читали в России что мы пишем, так и знали бы, что мы проповедуем чистую хриstopодобную теософию – познание Бога и жизненной морали, как её понимал сам Христос. В третьем ноябрьском номере за 1887 год моя статья («Эзотерический характер Евангелий»), где я так возвеличиваю проповедь Христа, как дай Бог всякому истинному христианину, не заражённому папизмом или протестантскими бреднями. Много они знают, что проповедует Блаватская!.. Объявляют: «построила капище в Лондоне и посадила в него идола Будды!..» «Выдумали вздор! Сами они идолы, вот что! Уж если репортёры их городят пустяки, так имели бы мужество печатать возражения. Уж, кажется, я небидное нимало, самое добродушное письмо написала, а у N и его поместить добросовестности не хватило?.. Ну, Бог с ними, милые соотечественники!..»

Блаватскую иногда обвиняли в масонстве. Но ни в какое масонство она не вступала, если только не причислить к таковым гималайских Махатм. Кроме того, современные обвинители не понимают, что масонство уже при жизни Блаватской превратилось в бутафорию, а членство в нём, в не более чем принадлежность к модному клубу. Так Блаватская писала, что масонство «...практически стало уделом аристократии, богачей и личного честолюбия..., оно унизилось до пропаганды антропоморфического богословия... масонское братство превращается в подхалима в каждой монархической стране для любого королевского потомка... ради того, чтобы использовать его в качестве политического орудия... Орден деградирует в средство карьеры для эгоистов, и в средство разложения – для плохих людей»²⁵. Однако, по сравнению с тем состоянием мрака и невежества, в которое был ввергнут Запад отцами католической церкви, Блаватская признавала, что эти масонские организации некогда несли благо, что «несмотря на свои многочисленные недостатки... – нет другого такого учреждения, которое сделало бы так много и ещё теперь способно на великие дела в будущем для человеческого, религиозного и политического усовершенствования... Вашингтон, Лафайет, Франклин, Джефферсон, Гамильтон (отцы Америки) были масонами... Гарибальди (объединитель Италии)...» и многие другие.²⁶ Она приводила слова знаменитого масона Рагона о том, что современные масоны «оматериализовали и обесчестили масонство, которое было однажды основано на Древних Мистериях...»²⁷ Блаватская писала о том, что сделали иезуиты с масонскими орденами, которые «ныне называют франкмасонством» и «розенкрейцерством». «Чтобы превратить это Братство лишь в безвредное ничто, иезуиты послали в этот Орден несколько самых талантливых своих эмиссаров, которые сперва уверили простых братьев в том, что истинная тайна была утеряна с Хирамом Абифом... затем они изобрели благовидные, но ложные высшие степени, претендующие на дальнейшее пролитие света на эту утерянную тайну и на проведение кандидата дальше, занимая его *формами*, заимствованными с подлинных, но не содержащих в себе никакой *сущности* вещей. И всё же люди здравого рассудка... встречаются... и с торжественными лицами, устремлённо, со всею серьёзностью проходят эту пародию раскрытия перед ними “подменных секретов” вместо действительных».²⁸ Об отношении Блаватской к этим выродившимся организациям можно судить по её письму в связи с присуждением ей масонской степени:

²⁵ Е.П.Б. Разоблачённая Изида, т.2, с.448

²⁶ Е.П.Б. Разоблачённая Изида, т.2, с.467

²⁷ Е.П.Б. Тайная Доктрина, т.2/2, с. 1005

²⁸ Е.П.Б.Т.Д. т.3, с.260-261.

«Слушайте, братцы! Довожу до вас курьёз: английские масоны, главой коих является сам принц Уэльский, прислали мне диплом за мою «[Разоблачённую] Изиду»... Я, значит, нынче – «таинственный масон»!.. Того и жду, что за добродетели мои меня в папы римские посадят... Посылаю вырезку из масонского журнала. А орден очень хорош – рубиновый крест и роза».

Блаватская обладала особыми, как их называют сегодня, «паранормальными» способностями, за которые одних в прочие века сжигали, а других возводили в ранг пророков и святых. Желиховская, сестра Блаватской, описывает православное благословение, данное молодой Елене Петровне одним из будущих иерархов Православной Церкви, узнавшим об этих её способностях:

«По дороге, именно в Задонске, у обедни, её узнал преосвященный Исидор, бывший экзарх Грузии, который впоследствии стал митрополитом Киевским, а затем Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским, и который находился тогда проездом из Киева. Он знал её ещё в Тифлисе и прислал служку звать её к себе. Преосвященный расспрашивал её ласково, где и как она странствовала, куда едет и пр. Заметив вскоре окружавшие её феномены, владыка обратил на них внимание. С большим интересом расспрашивал, задавал вопросы мысленно и, получив на них толковые ответы, был ещё более изумлён...

На прощание он благословил её и напутствовал словами, которые навеки остались ей памяты и дороги как мнение об исключительном даре её просвещённого иерея православной церкви. Он сказал:

“Нет силы не от Бога! Смущаться ею вам нечем, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам... Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества... Бог да благословит вас на всё хорошее и доброе”».²⁹

Дурная слава, собственно клевета, о Е.П.Блаватской пошла гулять по России благодаря известному в восьмидесятые годы романисту Всеволоду Соловьёву, опубликовавшему в 1892–1893 годах, то есть уже после ухода Е. П. Блаватской, в журнале «Русский вестник» серию очерков о встречах с ней, под общим названием «Современная жрица Изиды». Впоследствии эти очерки стали издаваться одноименной книгой. Трудно сказать, что подвигло автора столь сильно испачкать своё перо: может то, что к этому времени популярность его романов сошла на нет, или личные несбывшиеся притязания на роль ученика таинственных Махатм, или неудовлетворённое честолюбие? Ведь он знал Блаватскую в общей сложности не более трёх месяцев, а её работ он практически вообще не читал, ибо не читал по-английски³⁰. Этот Соловьёв, кстати, назначенный в 1897 г. цензором при Главном управлении по делам печати, собрал целый ворох сплетен и собственных измышлений, обвинив Блаватскую шпионкой в пользу России, а её известные феномены мошенничеством и трюкачеством с целью зарабатывания денег и популярности. При этом о личной жизни Блаватской этот «джентльмен» поведал столь грязные истории, многие из которых были опровергнуты ещё при жизни Блаватской, что просто удивительно, до сколь низкого состояния может пасть образованный, принадлежащей известной культурной семье человек.

Русский публицист и литературный критик В. П. Буренин, который не был в числе сторонников Е.П.Блаватской, так отзывался о Всеволоде Соловьёве и этой его книге:

²⁹ Данный случай был описан в журнале «Ребус» в очерке «Правда о Е. П. Блаватской», 1883 г., NN 40-48. По: Желиховская В.П. «Радда-Бай (правда о Блаватской)».

³⁰ См.: Желиховская В.П. Е.П.Блаватская и современный жрец истины: Ответ г-жи Игрек (В.П.Желиховской) г-ну Всеволоду Соловьёву. СПб., 1893.

«В современной русской литературе есть два Соловьёва: г. Владимир Соловьёв, иначе называемый “философом”, и г. Всеволод Соловьёв, иначе называемый “братом философа”... Он (Всеволод Соловьёв), не разбирая, валит на покойницу с каким-то даже ожесточением бездну всяких обвинений, чернит её всеми способами, причём часто пускает в ход способы недозволенные... Грязи, и притом самой бесцеремонной, наш изобличитель валит на “современную жрицу Изида”... столько, что её достало бы, вероятно, для целого огромного кургана над свежей могилкой этой русской женщины, которая, даже взяв в расчёт все её увлечения и заблуждения, вольные и невольные, всё же была женщина очень талантливая и замечательная... В своём усердии к изобильному излиянию грязи г. Вс. Соловьёв как будто даже забывает, что покойная была женщина, быть может, и очень слабая, очень грешная, но... достойная уважения и симпатии уже по тому одному, что таких женщин у нас немного, такие женщины у нас из ряда вон... Читая разоблачения г. Соловьёва, я часто невольно приходил к такому заключению: или г. Вс. Соловьёв ... говоря выражением из одной комедии, “охотно привирает”; или же во время своего знакомства с жрицей Изида он... находился не совсем в здоровом состоянии»³¹.

Кто только не обвинял Блаватскую за низвержение всевозможных устоев. Церковные недоброжелатели обвиняли в низвержении религиозных и духовных основ. На другом полюсе идейного противостояния материалисты видели в Блаватской пропагандистку спиритуализма и магии, разрушительницу научного материализма. Находились даже такие, кто считал Блаватскую создателем некоей квазирелигии, стремившейся отбить чужую паству. Наконец, и спиритуалисты вместе с шаманистами также обвинили Блаватскую в подрыве их влияния. Поистине, великое никогда не входило розами и осанной. Учение, которое принесла Блаватская, говорило о душе и духе человека, и в этом смысле оно противостояло одностороннему материализму, пробуждало в человеке устремление к Высшему. Но ничего такого нового, претендующего на новую «религию», Блаватская не выдумывала и не изобретала. Озвученные в её книгах основы были известны уже многие тысячелетия, а словом *теософия*, в широком смысле – мистическим богопознанием, называлась система знаний и практик уже более двух тысячелетий, начиная с эпохи греко-египетской династии Птолемея. Девизом Блаватской был объявлен завет бенаресского махараджи: «Нет религии выше истины». Это воззвание обращало к процветавшему в древних цивилизациях синтезу духовности и пылкости человеческого ума, объединяло силы религии и познания. Блаватская не сокрушала ни религий, ни научных методов познания. Она лишь снимала вековые напластования, указывая на человеческие слабости и пороки, сдерживающие человечество на пути к Истине. Если она свою революционную работу свершила излишне темпераментно или не вполне «гибко», то можно вспомнить, в какое время она сражалась, и как мало у неё, при всей громадности её содеянного, было достойных помощников! Что касается её борьбы с всевозможными некромантами и «магами», то здесь она оказалась поистине очистительным потоком, избавившим, или, по крайней мере, сделавшей всё, чтобы человечество было избавлено от засилья черных культов и квазирелигий, спекулянтов от оккультизма. Именно в этой части современное отношение служителей Русской Церкви к деятельности и личности Блаватской, по истине, обращает нас к словам Евангелия: «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём». Русская до мозга костей, патриотка, последние перед смертью строки которой были адресованы России, львом бросавшаяся всякий раз на защиту чести Родины, православная по духу и убеждениям, громившая католиков и иезуитов как главных извратителей Христовых заветов, на десятилетия обогнавшая неизменно приближающуюся новую эпоху и новое мироощущение, Елена Петровна у отечественных церковных чинов не только не сыскала хотя бы молчаливого одобрения, но подверглась остракизму, основанному на старых

³¹ Отклик В. П. Буренина в газете «Новое время» от 30 декабря 1892 года на статьи Вс. Соловьёва в «Русском вестнике» // Цит. по: Крэнстон, Сильвия при участии Уильям, Кэри. // Е. П. Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига-Москва. ЛИГАТМА, 1999. С. 357.

сплетнях и искажениях сути её текстов. Будем верить, что справедливость восторжествует, и новое, очищенное Православие, реабилитирует и воздаст должное нашей соотечественнице – Елене Петровне Блаватской.

Махатмы Блаватской

Кто же был тот Идеал, которому Блаватская посвятила жизнь и, без сомнения, отдала бы все свои жизни? Кто такие Махатмы? В одном из обращении к теософам, за четыре года до своего ухода, она писала:

«Теперь несколько слов перед тем, как я закончу. Меня спросят: “И кто же Вы, чтобы находить у нас ошибки? Тот ли вы человек, кто имеет связь с Учителями и ежедневно получает Их одобрение? Являетесь ли Вы столь святой, никогда не ошибающейся и столь достойной?” На это я отвечаю: нет, не являюсь. Моя природа весьма несовершенна; у меня много бросающихся в глаза недостатков – и потому моя карма тяжелее, чем у какого-либо другого теософа. *Это является* – и так и должно быть – мишенью для моих врагов, а также некоторых друзей, поскольку столько лет я чувствую себя прикованной к позорному столбу, и вряд ли в этом что-то можно изменить. И всё же я *бодро* встречаю испытание. Почему? Потому что я знаю, что несмотря на все мои недостатки, я нахожусь под защитой Учителей. И если это так, то причина этого весьма проста: за тридцать пять лет и даже более, с 1851 года, когда я впервые увидела Учителя *во плоти* и лично, *я никогда не отрекалась от Него* и даже никогда не усомнилась в Нем, хотя бы и мысленно. Никогда никакая жалоба или ропот, направленный против Него, не срывались с моих уст, и ни на мгновение не возникали они в моем сознании даже при самых тяжёлых испытаниях. С самого начала я понимала, чего следует ожидать, и о чем я уже говорила выше и что я не устаю повторять другим: как только кто-либо вступает на Путь, ведущий к *аишраму* благословенных Учителей, последних и единственных хранителей первичной Мудрости и Истины, – с тех пор его карма обрушивается на него целиком и сокрушает его всем своим весом, вместо того чтобы быть равномерно распределённой в течение всей его жизни. Тот, кто верит в то, что он исповедует, и в своего Учителя, тот преодолет это и выйдет победителем из всех испытаний; а тот, *кто сомневается*, кто проявляет малодушие и боится получить то, что ему причитается по заслугам, пытаясь избежать правосудия, тот терпит неудачу. Он всё равно не сможет избегнуть кармы, но он утратит и то, ради чего он шёл на риск преждевременной встречи с ней. Именно поэтому, хотя карма столь постоянно и беспощадно избивала меня, используя моих врагов как своё бессознательное оружие, я и смогла всё это выдержать. Я чувствовала уверенность в том, что Учитель не позволил бы мне погибнуть, что Он всегда появился бы в *одиннадцатый час*, – *и так оно и было на самом деле*. Три раза я была спасена Им от смерти; последний раз почти против моей воли; тогда я опять вернулась в этот холодный, греховный мир от любви к Тому, кто научил меня всему, что я знаю, и сделал меня тем, чем я являюсь. Поэтому я совершаю Его работу и выполняю Его указания, и это дало мне львиную силу для того, чтобы выдержать сокрушительные удары – физические и нравственные – одного из которых было бы достаточно, чтобы погубить любого теософа, если бы он усомнился в могущественной защите. Преданность Тому, кто служит для меня олицетворением долга, и вера в коллективную Мудрость этого великого, мистического и всё же реального Братства святых людей, – это моё единственное достоинство и причина моего успеха в оккультной философии».

8 мая 1891 г., в Лондоне в возрасте 60-ти лет в своём рабочем кресле тихо отошла Елена Петровна Блаватская. Последними строками, написанными её рукой, были строки статьи о России.

В тот день в Индии очень буйно расцвели белые лотосы, отчего день ухода Блаватской называется теперь «Днём Белого Лотоса». И сразу между континентами понеслись телеграммы в таком количестве, как будто почил какой-нибудь император. Так описывали этот день современники. Незадолго до этого, соратники Е.П. Блаватской заставили её написать завещание – всё имущество, которое состояло из небольшой библиотеки, личных вещей, и предполагаемых поступлений за публикацию книг, переходило Теософскому обществу. А остальным она завещала ежегодно в день её ухода собираться вместе и читать главу из «Света Азии» и главу из «Бхагават-гиты».

А.В.Владимиров, 17 марта 2011

www.yav.ru

Сокращённая версия статьи, опубликованная в газете «День Литературы» № 04 (176) от 11.04.2011 и журнале «Наука и религия» («Елена Блаватская – патриот своей Родины», 2011, №6).

Человек и время

Патриот России

(к 180-летию Е.П.Блаватской)

А.В.Владимиров

Можно со всею определённою сказать, что благодаря исключительной мощи и неудержимости русского характера теософия Блаватской состоялась как общемировое явление, как явление Нового мира. Россия, среди прочих стран мира, родилась как непохожее ни на что дитя – дитя будущего. Новый мир, будет ли это новая философия Блаватской, русская революция или Учение Живой Этики, вошёл в Старый свет и изменил мир русской волной.

Проведя основную часть жизни за рубежом, среди иностранцев, Блаватская оставалась неизменно русской. Свою русскость она никогда не пыталась завуалировать, какими бы сложными с политической точки зрения ни складывались обстоятельства, более того, неизменно гордилась принадлежностью к России. Учреждая Теософское общество в Лондоне, ведущую роль в котором играла английская аристократия, а та отличалась известным неприятием к России, Блаватская тем не менее постоянно подчёркивала: «Да, я русская». Она развернула широкую деятельность в английской колонии – Индии, в которой безраздельно господствовали тогда англичане. И это при остром геополитическом соперничестве Британии и России в Азии и на Востоке. Тем не менее, Блаватская и здесь вызывающе заявляла: «Да, я русская». Своему английскому другу, Синнетту, она, например, когда ей было уже 55 лет, молодецки писала: «Принесите ему мои искренние извинения и сошлитесь на моё незнание ваших дурацких английских условностей. Скажите ему, что я совершенно лишена изысканности манер английского общества и рада быть неприкрашенным русским дикарём во всех отношениях... Как

русская, которая называет свинью свиньёй, а не как англичанин, который будет говорить, сияя растянутой на три ярда улыбкой: “О, здравствуйте! Так рад видеть Вас!” – думая всё это время: “Чёрт бы тебя побрал!”».

В другом письме она с нарочито мужицкой грубостью продолжала об извечном споре Запада и России за Балканы:

«Мой дорогой м-р Синнетт, говорю с Вами серьёзно, так как Вы не принадлежите к числу тех психопатов, которые вечно принимают меня за русскую шпионку. Вы так же слепы в своей преданности и восхищении вашей [английской] консервативной политикой, как муж к любимой жене, которая вызывает в нём любовь. Вы не видите её недостатков, а Учителя видят... И если вы продолжите в том же духе, что и он (я имею в виду вашего старого идиота Солсбери), и заткнёте Болгарию перед носом у России, то, уверяю Вас, она (Россия) подложит вам свинью в Индии и через Афганистан. Я знаю от Учителей то, что неизвестно Вам...

Ах милый господин моего сердца! Если бы не [Теософское] Общество и Учителя, которым я каждодневно приношу в жертву свою кровь и честь, если бы те немногие, похожие на Вас англичане, которых я научилась любить как свою собственную плоть и кровь (метафорически, ибо свою плоть и кровь я ненавижу), – если бы не всё это, с какой бы колоссальной силой ненавидела я вас, англичан! В самом деле, поведение и политика вашего нынешнего кабинета министров бесчестны, презренны, достойны Иуды и в то же самое время восхитительно глупы! Один Черчилль ведёт себя как разумный человек и удивляет меня. Я вижу, что он вовсе не глуп и у него неплохое чутьё. То, что он бросил вашего Солсбери на произвол судьбы, возможно, спасло Англию от внезапного налёта России на вас да ещё и с союзниками, дорогой мой, – такими союзниками, о которых ваши дипломаты никогда и не помышляли, – и даже не с вашей поганой Турцией. Будьте осторожны, если Вы в состоянии быть осторожным, когда пишете, то делайте это ради своей собственной страны, если не можете поступать так ради Т[еософского] О[бщества]».

Когда Россия вступила в войну с Турцией, то какие разгромные статьи писала Блаватская в американские газеты в конце 1876 и в течение всего 1877 года. Она делает великолепный перевод на английский язык тургеневского стихотворения «Виндзорский крокет», и его публикуют сразу в нескольких газетах. Ей не дают покоя нью-йоркские поляки своими антироссийскими выходками.

Появление же в печати пресловутой антирусской папской речи, в которой говорится о том, что «чем скорее будет подавлена схизма, тем лучше», и что «рука Божия может руководить и мечом башибузука», – повергло её в жар и недомогание. Оправившись, она разразилась рядом таких язвительных статей, обличающих папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский нунций счёл благоразумным вступить с ней в переговоры и прислал парламентёра. Но тот, разумеется, не был принят, а следующая статья Елены Петровны ещё расцветилась описанием этого визита «доморощенного» иезуита.

Даже на страницах своих монументальных трудов Блаватская продолжает защищать Россию. В «Разоблачённой Изиде» она пишет: «Верная своей политике быть чем угодно и для кого угодно, лишь бы в пользу своих интересов, Римская церковь, пока мы пишем эти строчки (1876 г.), благожелательно взирает на зверства в Болгарии и Сербии и, вероятно,

маневрирует с Турцией против России. [Римской церкви] лучше ислам и ненавистный до сих пор полумесяц над гробницей христианского бога, чем Греческая церковь, признанная в Константинополе и Иерусалиме государственною религией. Подобно дряхлому и беззубому бывшему тирану в изгнании, Ватикан рад ухватиться за любой союз, который обещает если и не восстановления его власти, то хоть ослабления своего противника (России). Топором, которым когда-то размахивали его (Ватикана) инквизиторы, он теперь потихоньку играет, ощупывая его лезвие, ожидая и надеясь, хотя и надеяться не на что...».

Она пребывала в постоянном беспокойстве за исход войны, за своих близких: за дядю своего Ростислава Андреевича Фадеева, двоюродного брата Александра Юльевича Витте и племянника Ростислава Николаевича Яхонтова. Несказанно радовали Елену Петровну победы русского оружия, за которыми она пристально следила.

8 июля 1878 года Е.П.Блаватская стала первой русской женщиной, принявшей американское гражданство. Это волей-неволей случилось вскоре после заключения мира с Турцией. Американское гражданство открывало ей свободное проникновение во многие страны, закрытые теперь для русской, упрощало посещение колониальной Индии. Один американец, умирая, завещал ей своё имение. Для получения его нужно было выполнить эту простую формальность, но она сильно переживала за те дежурные слова, которые пришлось повторить за судьёй:

«Только что вернулась из верховного суда, где принимала присягу в верности Американской республике, – писала она. – Теперь я равноправная с самим президентом Соединённых Штатов гражданка... Это всё прекрасно: такова моя оригинальная судьба. Но до чего же противно было повторять за судьёй тираду, которой я никак не ожидала, – что-де, я, отрекаясь от подданства и повиновения императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединённых Штатов Америки... Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Нечего сказать!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить».

И точно, – какой она была всю жизнь горячей патриоткой, такой и осталась. Она ещё долго продолжала, как и во всё время войны, присылать деньги на русских раненых, и даже первые выручки, полученные за «Изиду», пошли на ту же цель. Всё, что получала она в то время за статьи в русских газетах, всё шло целиком на Красный Крест и на бараки кавказских раненых.

По приезду в феврале 1879 года в Индию, в Бомбей, закипела неустанная деятельность. Елена Петровна по одиннадцати часов в сутки, не разгибаясь, работала. Она писала в местные газеты, посылала корреспонденции во все страны света и готовила материалы для задуманного ею журнала «Теософист».

Британские власти заподозрили было сотрудников её журнала в зловредных намерениях: в шпионаже, в пропаганде русского влияния. За ними установили полицейский надзор; их письма вскрывались, на них косо смотрели. Блаватская выходила из себя! Писала негодующие письма друзьям своим в Лондон. Многие влиятельные лица обрушились в их защиту газетными статьями и письмами на местные бомбейские власти.

Решающую роль во всём этом деле сыграло письмо от лорда Линдсея, члена Королевской академии наук, президента лондонского Астрономического общества.

«Ваша полиция осрамилась! – писал он. – Я сам член их Общества, так вы, пожалуй, и меня за агитатора сочтёте, если я приеду в Бомбей?..»

Заступничество подействовало. Полицейский надзор был снят, но остался этот жупел «русской шпионки», который по сей день враги Теософского общества и Е.П.Блаватской то и дело вытаскивают на свет. Позицию англичан можно было понять. Это было время военных действий русских войск в Афганистане и во всём Закаспийском крае. Враждебные чувства англичан против России тогда сильно обострились.

Несмотря на предубеждение англо-индийских властей против основательницы Теософского общества, зиждущегося на её русском происхождении, к тому же не скрывающей своего патриотизма, она всё же сумела завоевать надлежащее ей положение и приобрела многих друзей в среде литераторов и других лидеров, формирующих общественное мнение.

Когда ранней весной 1881 года случилось убийство Александра II, Блаватская сильно заболела, поражённая и до глубины души потрясённая ужасным происшествием. Она писала:

«Господи! Что ж это за ужас? Светопреставление, что ли у вас?.. Или Сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Горько! Жаль царя-мученика, семью царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклинаю этих подлых извергов – социалистов!» «Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной мученической смерти царя-самодержца такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать».

Её журнал «Теософист» вышел в траурной обложке. Это было внимание Олькотта к её чувствам. Сама она лежала больная. Придя в себя, она написала в синнеттовский журнал «Пионер» превосходную статью обо всём, что свершил царь Александр II, и очень была довольна тем, что большинство газет её перепечатали.

Она писала своей сестре: «Я отдала туда всё, что могла вспомнить, и представь себе, они не выбросили ни одного слова и некоторые другие газеты перепечатали это. Но всё равно, первое время, когда я пребывала в скорби, многие спрашивали меня: “Что это значит? Разве вы не американка?” Я так разозлилась, что послала что-то вроде отповеди в “Бомбей газетт”:

“Не как русская подданная надела я траур, – написала я им, – а как русская родом! Как единица многомиллионного народа, благодетельствованная тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур. Этим я хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти Царя моих отца и матери, сестёр и братьев моих в России!”

Эта моя отповедь заставила их замолчать... Теперь они знают причину и могут отправляться к дьяволу».

Ей прислали портрет царя в гробу. «Как посмотрела я на него, – пишет она тётке своей Н.А.Фадеевой, – «верь не верь, должно быть помутилась рассудком. Неудержимое

что-то дрогнуло во мне, да так и подтолкнуло руку мою и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже остолбенела... Это я-то, – старину вспомнила, – рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала».

С глубокой болью в сердце отозвалась Блаватская на смерть русского публициста и патриота М.Н.Каткова. 5 августа 1887 года она писала Н.А.Фадеевой: «В большом, я милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну, “что мне Гекуба и что я Гекубе”?.. Ну, поди же! Словно с ним хороню всю Россию...

Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мною матушки-России сбила меня с колеи. Обидно!.. Страшно обидно, что вот только проявится из ряду вон русский человек – Скобелев ли, Аксаков, кто другой – так и прихлопывает смерть в самую нужную минуту. Ведь не подыхает же Бисмарк, Баттенберг, болгарские регенты или Солсбери и прочие, нет? А всё наши.

Чем был для России Катков теперь только можно видеть и сообразить: вой радостный раздаётся из всех [западных] журнальных редакций. Только две – “Pall-Mall” и “St. James Gazette” благородно отозвались...

Писала сейчас письмо в редакцию его, надо было! Семь лет ведь работала для [катковских] “Московских ведомостей” и для “Русского вестника”... Хоть, вероятно, и не поверят искренности моей печали, а я писала, что чувствую... Для меня, потерявшей всякую надежду увидеть родную Русь, вся моя любовь к ней, всё горячее желание видеть её торжествующей над врагами, сосредоточивалось и как бы отсвечивалось в передовых статьях Каткова. Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков, и все, все ушли. Кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как они разгадывали и указывали России на козни против неё?.. Пропала Россия!.. Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, “закрылось навеки бдительное око патриота”, как дракон оберегавшего интересы нации, и лишь теперь поймут, чем Катков был для Царя и отечества. Стало быть был он опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и пресса дрожали при его имени, – как теперь дрожат от радости, что избавились. Лафа-де нам теперь будет дурачить Россию...

Счастливые христиане православные, могущие искренно пожелать покойному: “царствие, тебе, небесное, великий патриот!” Я же могу только из глубины души пожелать ему “вечную память” в сердцах всех любящих родину русских...

Ставит эта родина, Россия-матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятники тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее, чем Минин и Пожарский сделали мечами. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лиги республиканской Франции, доказала бы Россия, что не зарастёт в сердцах верных сынов её тропа к его могиле. Пусть запомнят наши дипломаты его указания, да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы, благодаря свинопасам – регентам, да Миланам, австрийским холопам. А зарастёт тропа в их памяти, то да будет им стыдно!..

Вот, что я им написала... Может дурой назовут?.. Ну, пушай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась...

Пока жива – ваша всегда... А коли позволят там – так и после Нирваны всё ж ваша. Е. Б.»

Русская пресса того времени мало сообщала о Блаватской, о её книгах и статьях, выходящих на английском языке. Патриотическое и, собственно, правое консервативное издание Каткова, не побоявшегося выступить оппонентом даже самого царя, оказалось редким исключением. Вероятно, слишком вольнолюбивыми и религиозно опасными выглядели для цензоров речи соотечественницы, да ещё и женщины. Не публиковались даже материалы Блаватской в защиту России. Так в 1879 году она с горечью сообщает: «Я написала статью в “Новое Время” под названием “Правда о племяннике Нана Сахиба”. Я собрала самую подробную информацию об этом негодяе. [Газета] “Голос” постоянно передаёт письма, написанные этим лгуном, как будто специально для того, чтобы спровоцировать Англию на войну с Россией. И [российское] “Новое Время” пренебрегло моей заметкой. По какой причине? Она правдива и написана независимым корреспондентом. Кто бы мог подумать, что они не поверят в добрые намерения их соотечественницы, русской, стоящей у самого истока информации об этой фальшивке... И всё-таки наши газеты не захотели напечатать мои статьи!»

Современница Блаватской – Е.Писарева также отмечала факт блокады информации о ней на её родине: «Из всех её литературных трудов, открывших Западной Европе оккультные учения древнего Востока, только одна книга “Голос Безмолвия” была до последнего года переведена на русский язык; а её литературное имя Радда Бай известно только по индийским очеркам, опубликованным в “Русском Вестнике” в начале 80-х годов под названием “Из Пещер и Дебрей Индостана”».

Другой биограф, миссис Джонстон, сообщает: «Несмотря на отсутствие учтивости со стороны русских газет по отношению к Е.П.Б., она всегда подписывалась на многие русские журналы и газеты; и не имея возможности прочесть их за день, она отрывала время от пяти-шестичасового ночного отдыха, желая знать, что происходило в её родной стране».

Блаватская хорошо ориентировалась в международном положении России. Сколько могла, она со страниц теософских журналов, имеющих влияние на западную интеллигенцию, защищала Россию от клеветы и наветов. Хорошо видно, что живя многие годы за границей, постоянно переписываясь с родными, читая русскую прессу и внимательно следя за мировой политикой по иностранной прессе, душой и сердцем она неизменно оставалась на родине. Русский дух, русская правда, русская справедливость, по большому слову – Православие, – столь ярко отображённые великой русской культурой, воплощали и воплощают идею мирового Универсума. На алтарь служению этому Идеалу отдала свою жизнь наша соотечественница Елена Петровна Блаватская. И кто может сказать, где бóльшая служба вершится для России: в её пределах и в битвах с внутренними врагами, или же за её пределами, с врагами внешними?

Было бы неправильно утверждать, что при значительной и определяющей роли Учителей (Махатм) в деятельности и творчестве Е.П.Блаватской, её непримиримое отношение к врагам России оставалось исключительно её личным делом, что её резкие и часто явно не способствующие выполнению её миссии на Западе выступления в пользу России, её нескрываемый русский патриотизм, диссонирующий с господствующим представлением на Западе о России, не имели никакого отклика и поддержки у Махатм.

Но участие или роль Махатм в большой мировой политике и в судьбе России – тема, раскрытие которой ещё ждёт своего часа.

В целом сокрытие в то время от Запада мирового, провиденциального значения России понятно – растерзали бы. Запад во все времена воспринимал Россию как некое недоразумение на политической карте, как страну и народ низшего сорта. Когда Блаватская совершала сокрушительный поход на реакционные институты западной религии, западной политики и западной материалистической науки, объявление на этом фоне из уст русской о провиденциальной роли России подорвало бы всяческий авторитет главного теософа. Запад никогда не встанет под знамёна тех, кто будет предвещать его закат. Особенно на фоне возвышения России.

Эмоциональная и литературно неудержимая Блаватская не была искушённым политиком-прагматиком, ювелирно взвешивающим каждое сказанное слово, прогнозирующим, как отдельно взятая частная ситуация и сопроводительный комментарий могут породить далеко идущие последствия. Данное свойство открытости и чистосердечной прямолинейности, способствующее интересу к книгам Блаватской, привлекающее к ней друзей и сотрудников, в свою очередь дало обильную пищу для её врагов и недругов. Используя выданные из контекста цитаты, перефразируя, переиначивая и «дополняя» её высказывания, враги Блаватской превращали её в некоего монстра. Разумеется, апологеты церкви не преминули нацепить Блаватской традиционное обвинение в сатанизме, тогда как сама Блаватская жизнь положила на борьбу с этим врагом человечества.

В этой связи интересна публикация перевода Блаватской с русского языка на английский фрагмента из «Братьев Карамазовых» Достоевского, известного ныне как *Поэма о Великом Инквизиторе*. Данная публикация на английском языке, (возможно и сам перевод), были сделаны Блаватской по прямому указанию Махатмы Кут Хуми. В письме, полученном А.П.Синнеттом в августе-сентябре 1881 года, Махатма Кут Хуми писал: «Предложение перевести “Великого Инквизитора” является моим, ибо его автор (Достоевский), на котором уже лежала рука смерти, когда он писал это, дал наиболее убедительное и правдивое описание Общества Иисуса (иезуиты), чем все те, которые появились до него. В нём содержится очень сильный урок для многих людей, и даже вы можете извлечь пользу из него»³².

По свидетельству современников Достоевский говорил, что «тему этой легенды... выносил в своей душе почти в течение всей жизни», и тема эта необычайно значима для него; что «“Великий инквизитор” – кульминационный пункт всего его творчества», что поэма для него более важна, чем сам роман «Братья Карамазовы».

Напомним, что первым Великим Инквизитором испанских областей был Торквемада. Будучи наделённым властью Римским папой (1481 г.), он совершил наиболее массовые уничтожения так называемых «еретиков». Достоевский, ряд идей которого отмечены пророческой печатью, в образе Великого Инквизитора усмотрел другого. В пятой главе пятой книги романа, так сказать, на перевёрнутой пентаграмме Люцифера, Достоевский художественно изобразил закономерную вершину католицизма, обладателем которой стал ни много ни мало главный враг Христа – Сатана. Интересно отметить, что в

³² Письмо № 19 в кн.: Письма Махатм. Самара, 1993. С. 119.

Православии часто вспоминали, что олицетворение Римской церкви – апостол Пётр, согласно Евангелию, трижды отрёкся от Христа (Ин. 13:38), что только в адрес одного человека – Петра, Иисус воскликнул «отойди от меня, Сатана!» (Мф. 16:23), равно как и Евсевий, будто бы со слов Оригена, утверждал, что Пётр ушёл из жизни способом, обратным от Христа: «был распят головой вниз» (ЦИ.3:1). На языке мистиков это означает перевёрнутую пентаграмму Люцифера. Именно так, перевернув наоборот, от слова «Христос» в богословии образовано название «Антихрист».

Своей публикации на английском языке из Достоевского Блаватская предпослала следующее примечание: «Это – фрагмент из прославленного романа Достоевского "Братья Карамазовы", последней книги, вышедшей из-под пера этого великого русского романиста, который скончался несколько месяцев назад, сразу же после того, как были опубликованы последние её главы... Переведённый отрывок представляет собой прекрасную сатиру на современную теологию в целом и римско-католическую религию – в частности. Его идея состоит в том, что Христос вновь посетил землю, появившись в Испании во времена инквизиции, и его сразу же арестовывает как еретика Великий Инквизитор...».

«Зачем же Ты пришёл нам мешать? – спрашивает заточённого в тюрьму Христа Великий Инквизитор. – Ибо Ты пришёл нам мешать и сам это знаешь... Ты ли это или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь»... «Не Ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас свободными”. Но вот Ты теперь увидел этих “свободных” людей... Да это дело нам дорого стоило,...но мы dokonчили наконец это дело во имя Твоё. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено и кончено крепко... Теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили её к ногам нашим».

В своих работах, прежде всего в «Разоблачённой Изиде», Блаватская доказывала, что христианство от начала пошло двумя непримиримыми линиями, восточной и западной. Разделение это пошло от противостояния, с одной стороны, апостола Павла, ратующего за идею Христа о вселенском братстве и царстве духа, и, с другой стороны, апостолов Петра, Иакова и Иоанна, радевших по-прежнему за строгое соблюдение национальных ограничительных требований чистоты крови и прочего, а также противящихся распространению заповедей Христа за пределами избранного народа. Наследниками Павла и его понимания христианства, ярко выразившегося в большей части посланий Павла, стала Восточная Церковь, собственно первая и единственная Церковь. Наследниками Петра и доминанты Ветхого Завета, стала церковь Рима, объявившая себя впоследствии главным заместителем Бога на земле. Она же постаралась отобразить в хранящихся у неё версиях Писания и письмах апостолов о своём якобы бесспорном первоапостольстве. Восточная церковь, Русская Православная церковь, всегда выражала сомнения в первоапостольстве наследников Петра, а уж тем более категорически не соглашались с её притязаниями на роль главного заместителя Бога на земле, отрицая в принципе возможность такового. Главным стремлением Западной, то есть Римской

церкви, стала жажда неограниченной мирской власти, вплоть до попыток подмены власти королей и императоров, тайным или явным манипулированием ими.

Монашеский орден иезуитов (с XVI века по сегодняшний день), кощунственно назвавшийся «Обществом Иисуса», стал инструментом завладения Римской церковью этой земной власти. Несмотря на оформление разделения Восточной и Римской церкви только в 1054 году, духовно эта разделённость христианства существовала с самого начала и до формального разделения это был не более чем политико-религиозный союз двух вполне самостоятельных конгрегаций христиан. Мирского могущества на земле, как известно, в отличие от стремления к божественному, всегда искал враг рода человеческого. Такова вкратце идея Блаватской, изложенная во втором томе «Разоблачённой Изиды». Подобная идея о сути разделения Восточной (Православной) и Западной (Римской) церковью пронизывает труды многих православных отцов и старцев. Собственно, «Великий Инквизитор» Достоевского о том же.

Со времён протестантской Реформации, иезуитов называли «пехотинцами Римского папы». Власть или влияние Римской церкви со Средних веков и до сих пор распространяется на громадное число стран. В ряде справочников католицизм показан самой многочисленной мировой религией. В том, что касается России, то папы благословляли и направляли сюда крестовые походы, а их тайные агенты-иезуиты плели интриги в сопредельных с Россией странах, натравливая их на Россию (Польша, Прибалтика) или стремясь рассорить с Россией (Украина и др.), повсеместно подрывали православие и русское влияние.

Неудивительно, что с опубликованием главных трудов Блаватской, вскрывающих лицемерие, обман и двуличие Римской церкви, иезуиты предприняли всё возможное, чтобы дискредитировать автора, работы которого стали столь популярными. Эти попытки опорочить Блаватскую и её идеи не оставляются на Западе до сих пор, но уже новыми действующими лицами.

А.В.Владимиров, 17 марта 2011
www.vav.ru